

Журналъ Литературно-
сатирическій, острый и правдивый

№ 5.

20 Января 1906 г.

Годъ изданія I.

а кровью
была полита

и горелъ поросла
Русская земля

Словомъ палка Игрокъ

Потокъ.

На вершинѣ горы, упиравшейся въ небо и вѣчно окутанной сизымъ туманомъ, тянулось необозримое снѣжное поле. Безсмѣнный покой царилъ здѣсь средь безформенныхъ лавинъ, и холодная влага застыла въ пушистыхъ кристаллахъ. А вѣка нагромождали все массу на массу...

И вотъ горячій, жизнерадостный лучъ солнца проникъ сквозь толщу тумана, ласково погладилъ застывшую въ безмолвіи лавину и тысячей блестящихъ огней отразился въ ея волнистой поверхности... Улыбка жизни быстро смѣнила равнодушіе смерти. Миріады пушинокъ, слившихся въ громоздкую льдину, ощутили вдругъ свои природныя свойства—и мелкими кристалльными слезинками потекли по лицу изборозженной морщинами льдины. Слѣшивъ другъ другу на встрѣчу, въ тѣсныхъ объятіяхъ, едва слышно, дѣлились они своей общеною радостію.

И все громче становился ихъ восторженный лепетъ, все росла и увеличивалась ихъ движущаяся масса,—и вотъ уже узенькимъ ручейкомъ спѣшили они внизъ по горнымъ уступамъ.

— За мною, впередъ!—журчалъ ручеекъ,—мы вѣстники движенія и жизни!

И другіе ручейки спѣшили присоединиться къ нему и совмѣстно продолжать свое шумное движеніе.

— Мы вѣстники движенія и жизни!..

И грознымъ потокомъ низринулись они въ долину.

Жемуары представителя власти.

Лишенія удрученнаго отечества били по моимъ натянутымъ нервамъ, но скорбь гражданина невольно ступевывалась предъ негодованіемъ и гнѣвомъ лстаго сына передового російскаго сословія. Еще въ ухахъ отдавались громовыя рѣчи членовъ родовитаго съѣзда, а на фонѣ безмысленно горѣвшихъ усадебъ, домовъ и имѣній—рисовались зловѣщія картины безотлагательнаго, суроваго мщенія...

— Твердой власти и категорическихъ мѣръ,—въ одинъ голосъ звучали резолюціи...

И каждый изъ насъ готовъ былъ въ любую минуту на подвигъ!..

* * *

...Поѣздъ мчитъ меня курьерскою скоростью къ мѣсту моего назначенія представителемъ власти. Вопросъ объ освѣдомленности въ сферѣ моего новаго служенія меня не смущаетъ ни мало.

— Отцовская власть,—разсуждаю я,—во всемъ и всегда компетентна!.. А къѣмъ, какъ не отцами,

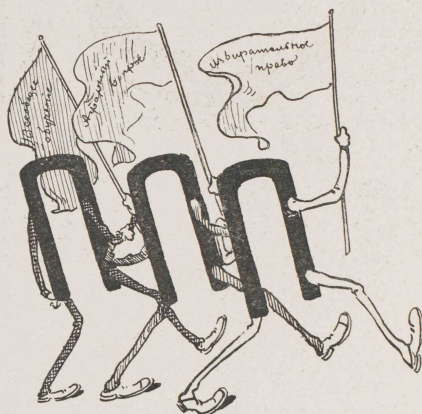
Здѣсь бурныя волны уничтожили быстро жилища и пажиты—и тысячей бѣдъ обрушились на головы жителей...

Стихія неистовствовала и бушевала...

Но уже воды потока умѣрили свой неистовый бѣгъ и широкой рѣкою разлились по долинѣ.

Могучій источникъ движенія и силы—рѣка возстановила людямъ ихъ большія потери и навѣки осталась благословеніемъ для расцвѣтающаго края...

Сфинксъ.

являемся мы для строптивыхъ сыновъ непокорной страны?.. Кодексъ постановленій и правилъ, выработанный вѣками и опытомъ, теперь далеко не умѣстенъ! Въ дѣлѣ правосудія должны быть достигнуты крайніе предѣлы упрощенія...

— Виновенъ по такой-то и такой-то статьѣ,—докладаваютъ мнѣ про преступника.

— Пороть!—кладу я рѣшительную резолюцію.

— И еще двое—по такой-то статьѣ!

— Пороть!..

Я быстро усвоилъ свои новыя обязанности и тутъ уразумѣлъ лишь всю простоту движеній государственнаго руля. То, что казалось неосуществимымъ и невозможнымъ, быстро облеклось у меня въ реальныя формы дѣятельности. Жизнь вошла въ свои нормы, и всюду наступило «спокойствіе»... Призракъ суровой расправы надежнымъ постоемъ расположился въ сердцахъ непокорныхъ!

Но...

* * *

Редакторъ и Цензоръ.

(Басня).

Редакторъ нѣкій напраказилъ:
 „Съ душкомъ“ статью въ журналѣ помѣстить.
 Не знаю, самъ-ли онъ такой бѣдный былъ,
 Или просто, можетъ быть, его читатель сглазилъ,
 Но только онъ въ кутузку угодилъ...
 А такъ какъ съ свободой прессы
 Литературные процессы
 „Свободнѣй“ стали возникать,
 И судъ не очень-то спѣшилъ ихъ разбирать,
 То прежде, чѣмъ пошло къ разбору дѣло,
 Душа покинула редакторское тѣло,
 И онъ попалъ... конечно, прямо въ адъ.
 — „Кого я вынулъ.. Какъ я радъ!..
 Вдругъ слышитъ мой редакторъ бѣдный...
 Глядитъ,— взволнованный и блѣдный:
 Въ большомъ кострѣ изъ корректуры
 Знакомый цензоръ — самодуръ
 Надъ нимъ язвительно смѣется...
 — „И вы къ намъ?“— говорить — „Чудесно! Въ доб-
 рый час!“

Ну, что тамъ, какъ у васъ?
Небось, не весело живется?
Чуть что, — поди, полъ судъ сейчасъ?
Эхъ, вы, писатели!.. Цѣнить насъ не умѣли...
Когда редакторы при насъ въ тюрьмѣ сидѣли?
Не мы-ль о васъ, какъ о себѣ, радѣли?
Не нашъ-ли красный карандашъ
Васъ охранялъ отъ „горькихъ чашъ“,
Отъ лишнихъ бѣдъ и тревоженій,
Обидъ, убытковъ и гонений?

Но самъ я оставался далеко не спокойнымъ. Въ глазахъ подчиненныхъ, казалось, отражавшихъ лишь сугубую преданность, читалъ я, однако, какія то загадочная мысли. И я невольно воображалъ себя счастливымъ банкротомъ, удачно схватившимъ въ одинъ приемъ богатѣйшій кушъ. Но игра продолжалась... И я рисковалъ каждый мигъ вновь очутиться ни съ чѣмъ. Стоитъ лишь дрогнуть, потерять лишь присутствіе духа—и все вдругъ разсыпется въ прахъ!

И я рисковалъ. Ставка за ставкой увлекали меня туда, откуда нѣтъ ужъ навѣки возврата. А я продолжалъ все метать свой роковой банкъ...

* *

И время подошло незамѣтно.

Ужъ успокоились страсти, и твердая рука властей далеко отодвинула назойливые вопросы прозябанія недовольныхъ. Отомщенные и разстроеныя, они изъявили покорность, — и государственный руль вновь наладился по старому курсу...

И что-ж? За трудный подвиг наш,
Неблагодарные, вы чѣмъ намъ отплатили?
Вы насъ безъ совѣсти кляли и носили,
Подъ судъ нерѣдко подводили
И, видя въ насъ причину всѣхъ невзгодъ,
Вы такъ на цензоровъ насѣли,
Что подъ конецъ добились цѣли...
Ну, что-ж?.. Довольны-ль вы первѣйшей изъ „сво-
бодъ“²⁴

Смущенный рѣчью громовою
Стоялъ редакторъ мой, поникши головою,
И ничего не отвѣчалъ...

Читатель, чтобы ты сказал?

Кай Цезарь.

И тутъ грозный призракъ всталъ неотступно предъ моими глазами!

И не въ видѣ смертоноснаго оружія пронесся онъ предъ моимъ умственнымъ взоромъ, не орудіемъ разрушенія окончательно смутилъ онъ меня, ибо они мнѣ не могли быть страшны!..

Но явился онъ мнѣ въ видѣ — обыкновеннѣйшей... тачки!

И тяжелым кошмаром преслѣдовать онъ меня дни и ночи, не давая ни минуты покоя. И стоило нѣсколькимъ лицамъ приблизиться даже съ какимъ угодно выраженіемъ подобострастія, какъ я уже видѣлъ себя вывозимымъ на тачкѣ — при дружныхъ усиліяхъ и гомерическомъ хотѣѣ всѣхъ униженныхъ и отомщенныхъ.

И, выброшенный изъ тачки энергичнымъ толчкомъ, тщетно сясь схватиться за что либо руками, летѣлъ я въ непроглядную бездну...

А время подошло незамѣтно...

Съ подлиннымъ вѣрно.

Z.

КОНСИЛІУМЪ.

...Не добѣдалъ онъ, не досыпалъ онъ, въ потѣ лица трудился—и захирѣлъ, свалился съ ногъ, и тѣло его покрылось глубокими язвами.

Пошли охатъ и ахатъ родные, явились съ соболѣзнованіемъ знакомые, и укоризненно покачивали головами сосѣди.

— Знать, ухоть былъ неважный!.. изнурили бѣднягу... Ему-бъ полѣчиться да подкрѣпиться маленько!..

А тутъ и врачъ появился. Пощупалъ больного, повелъ этакъ носомъ и заговорилъ:

— Оно... ничего!.. Организмъ — выносливый!.. Смертельной опасности не предвидится... Вонъ тутъ вамъ въ бумажкѣ прописано!.. Всякій разъ — не больше одной чайной ложечки!.. А тамъ, дальше... посмотримъ!..

А больному все хуже да хуже. Ноютъ глубокія раны, сердце судорожно бьется, да и ѣсть смерть какъ хочется: не до лекарствъ, когда пусто въ желудкѣ!..

Снова охаютъ родные и близкіе, вновь укоризненно соболѣзнуютъ сосѣди.

— Пригласить-бы консилиумъ,—авось, болѣзнь-то раскусятъ!..

И собралось врачей видимо-невидимо. Окружили больного да и залопотали по своему. — а онъ только ушами хлопаетъ, глазами во все сто-

роны въ неудоумѣннй водить, и страху лишь больше набирается.

— Гмъ... да... болѣзнь-то сильно запущена... И, главное: язвы!.. Ихъ-бы немного почистить!

И старшій врачъ озабоченно поковырялъ инструментомъ въ ранахъ больного.

— А, по моему, такъ ампутація!.. Необходима сейчасъ-же ампутація!.. Если обратиться къ соответствующимъ литературнымъ источникамъ...

— Казалось-бы: всего важнѣй — антисептика!.. Пациентъ не имѣетъ представленія о примитивныхъ санитарныхъ условіяхъ!.. Если-бы ему, да на первыхъ порахъ, пару необходимыхъ указаний!..

— Но... если считается съ внутреннимъ состояніемъ организма!..

И между врачами завязался ученѣйшій диспутъ о мѣрахъ, какія были-бы всего неотложнѣй!

А больной все больше слабѣлъ, и чайныя ложечки не восстанавливали его надломленныхъ силъ.

— Поѣсть-бы, — шептали безкровныя губы, подкрѣпиться-бы вволю. и потомъ — подышать на свободѣ!.. Кажись, сразу восстановились-бы силы!..

А врачи ковыряли въ язвахъ, озабоченно спорили и обсуждали неотложныя мѣры!..

Лѣтописецъ.

* * *

Наружное спокойствіе кругомъ...
Все замерло безъ возгласа, безъ шума...
Но тишина, нависшая угрюмо,
Не предъ грозой-ли съ бѣдственнымъ огнемъ?

* * *

Напряжены и умъ, и сердце снова...
Чего-то ждешь, тревогою объять...
О, не довольно-ль крови и утратъ?
О, не довольно-ль къ дикимъ распрямъ зова?

* * *

Пора забыть мечи и палаши
И укротить бушующія страсти!
Пора въ безумствѣ произволу власти
Быть палачемъ для тѣла и души!

* * *

Не лучше-ли и къ чуждымъ, и къ нечуждымъ
Прийти на зовъ, внимая ихъ мольбамъ?
И не грозить насильемъ бѣднякамъ,
А дать исходъ давно назрѣвшимъ нуждамъ?

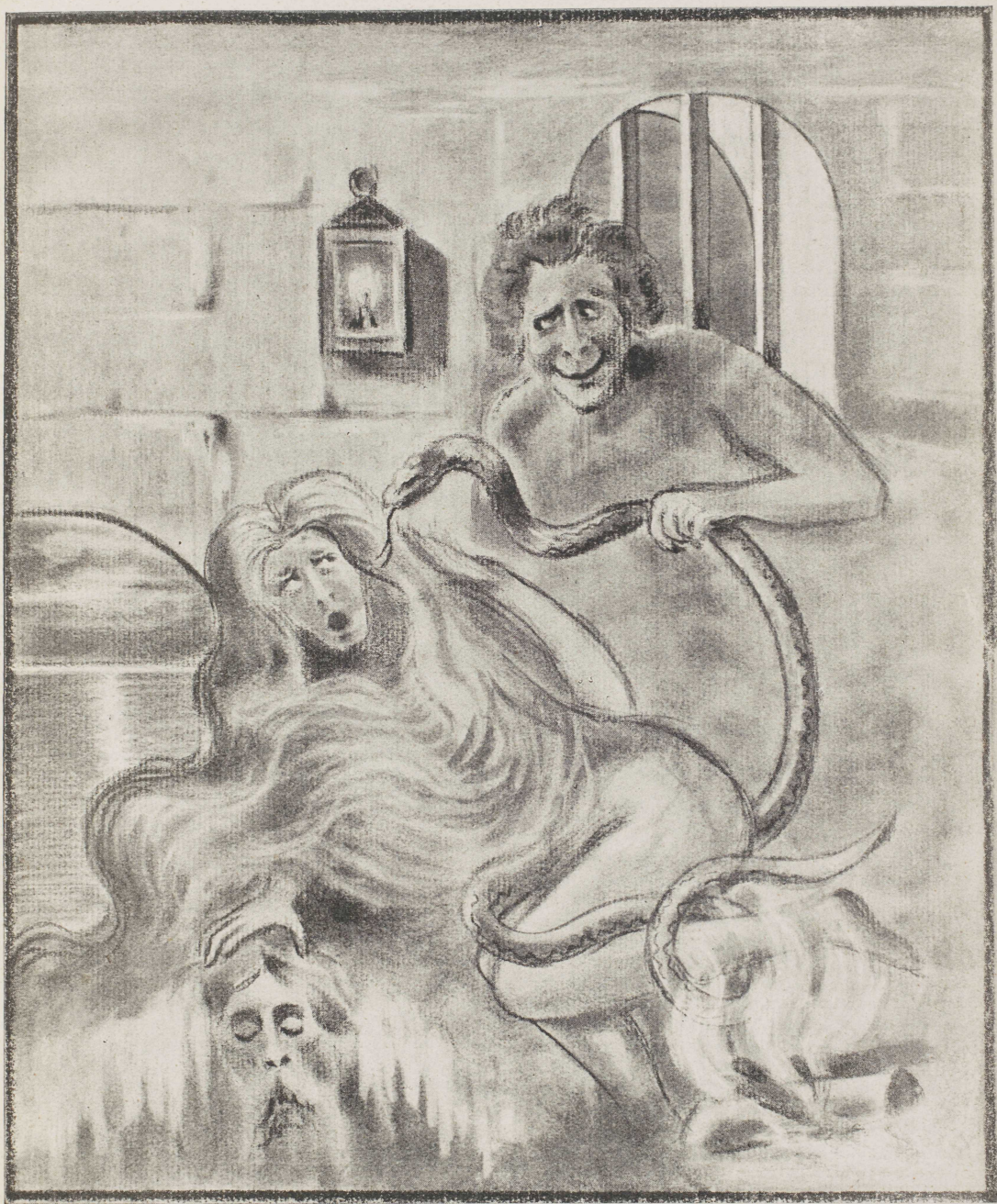
* * *

Тяжеле жизнь, тяжеле съ каждымъ днемъ
И съ каждымъ днемъ всѣ требованья больше!
Нельзя терпѣть, нельзя мириться дольше
Съ тѣмъ, что гнететъ убійственнымъ ярмомъ!

* * *

Надломаны подгнившіе устои,
И устарѣлъ осмѣянный режимъ!
И мы во тьмѣ надъ бездною стоимъ...
И не спасутъ насъ жалкіе герои!

Леонидъ Афанасьевъ.

Свобода.

Она была хороша, как херувимъ, как сиянье весенняго солнца, как чистая лазурь неаполитанскаго неба.

Она была вольна, как вѣтеръ на просторѣ морей, как мощный орелъ въ поднебесьи, как человекъ въ своихъ злыхъ, а подчасъ и добрыхъ поступкахъ...

Ее звали — Свободой!..

И жалкій человекъ, пресмыкавшійся у ногъ ея и, погрязнувъ въ рабствѣ, не дерзавшій поднять на нее свои туманные взоры, — онъ рѣшительно задумалъ овладѣть ею!..

И уже лелѣлъ въ мечтахъ своихъ заковать ее въ цѣпи, надѣлъ ей тяжелыя путы — и, по собственному своему усмотрѣнію, пользоваться ея горячими ласками...

Такъ люди — привязанность всегда замѣняли насиліемъ, любовь — слѣпымъ правомъ захвата, а взаимность приобрѣтали мечомъ или золотомъ...

И напрягъ человекъ свои темныя силы, далеко, въ самые тайники сердца, запряталъ протестъ совѣсти, — и преступными руками порывался схватить онъ дѣвственный станъ своей богини — Свободы...

Но — возросшая на волѣ, какъ горный ключъ чистая и божественно-цѣломудренная, — не смутилась Свобода предъ натискомъ злыхъ силъ человека.

И — лучезарная — поднялась она въ высъ, какъ

прежде — обольстительная и многообѣщающая, — и только ключи ея одѣянія остались въ рукахъ человека, пытавшагося наложить на нее свои тяжелыя пѣчи.

И палъ онъ снова ницъ передъ ней, и взоры его потупились...

Зачер. А. ?

I.

Жизнь ропщетъ... Шумя, набѣгаетъ волна Тяжелыхъ, какъ буря, тревожныхъ событий...

Не даромъ вздыхаетъ родная страна:

Связь съ прошлымъ, съ отжившимъ у ней порвана.

И новыхъ ни съ чѣмъ нѣтъ связующихъ нитей.

Грудь давить отчаянье горечью мукъ.

Что ждешь? Что тревожитъ въ безвѣстномъ грядущемъ?

Ночь тьмою все небо одѣла вокругъ,

И, бурей разбуженный въ сердцахъ, испугъ

Растетъ, все растетъ, какъ предъ бѣдствіемъ сущимъ!

II.

И для ночи не тьма, и для утра не свѣтъ!

Ничего въ безутѣшномъ утѣшного нѣтъ!

Ни дорогъ не видать, ни путей не найти...

— О, скажите же, какъ и куда намъ идти?

Засосало болото насъ въ вязкую топь.

Видя гибель, невольно беретъ оторопь.

Трудно помощи ждаты отъ безпомощныхъ рукъ!

Роковая пора! Безнадежный недугъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

Лекція профессора Н. *)

Лекція четвертая

VII. Какъ сдѣлаться губернаторомъ?

Не слѣдуетъ думать, что подъ губернаторомъ разумѣется непременно лицо, управляющее губерніей. Въ доброе старое время губерніей управляла обыкновенно губернаторша... Губернатору же представлялось говорить внѣшительнымъ басомъ, посѣщать „благородку“ и заказывать фермуары для тайныхъ поднесеній заѣзжимъ артистамъ...

Впоследствии, съ развитіемъ дѣятельности Краснаго Креста въ губернскихъ городахъ, всѣ производительныя силы губернаторши ушли въ благотворительность, а управление губерніей перешло цѣлкомъ въ руки урядниковъ, приставовъ и земскихъ начальниковъ. Губернаторъ же носилъ красныя ляпсасы, принимать праздничныя поздравленія и, на основаніи конфиденціальныхъ и рас-

пре-конфиденціальныхъ циркуляровъ, вѣлъ безконечные списки политически-неблагонадежныхъ въ губерніи.

Но — времена мѣняются, и съ ними мѣняются даже и — губернаторы!..

Отечество очутилось въ опасности... Списки приходилось вести уже „благонадежныхъ“ — и то, разыскивая ихъ днемъ со свѣчю (неблагонадежныхъ продолжали *разыскивать* ночью)... И губернаторы оказались на высотѣ своего призванія, строго, однако, обнаруживая индивидуальность своей собственной личности.

И въ то время, какъ одинъ, подобно Нерону, любовался кострами изъ человѣческихъ тѣлъ, — другой избралъ спеціальностью „погромныхъ дѣлъ“ мастерство, а третій успѣшно устраивалъ родовое избіеніе младенцевъ.

Но въ каждомъ изъ остальныхъ губернаторовъ необятной отчизны непремѣнно сочетались, въ той или иной пропорціи, тѣ основныя достоинства, какими блистательно проявили себя приведенные индивиды за время своего губернаторствованія...

Изъ вышесказаннаго ясно, какими данными слѣдуетъ обладать, чтобы *служить* губернаторомъ...

*) См. „Сѣкира“ №№ 2, 3 и 4.

Товарищъ.

Товарищъ мой былъ „честныхъ правилъ“,
Прямой, безъ задняго ума,
Душою чистой не лукавилъ
И былъ правдивость онъ сама.
И вотъ онъ разъ на митингъ шумный
Попалъ нечаянно впервой.
Какой-то риторъ вольнодумный
Передъ огромною толпой
О братствѣ вѣчномъ распинался,
Взывать къ свободѣ для людей,
И громъ металъ, и повторялся —
И глотки не жалѣлъ своей.
„Позоръ, кто вправо курсъ направилъ, —
Лилась свободно рѣчь его, —
Навѣкъ себя тотъ обезславилъ!..
Но вижу лѣвыхъ торжество!
Но вижу: пали рабства звенья, —
И водворилась навсегда
Любовь и правда, всепрощенье
И день свободнаго труда!..“

Товарищъ слушалъ... И невольно
Онъ перенесся въ мѣръ иной,
Гдѣ людямъ дышется привольно
И гдѣ юдоли нѣтъ земной.
„Туда, туда, — уста шептали, —
Туда, въ тотъ благодатный край,
Гдѣ нѣтъ ни злобы, ни печали,
И на землѣ — небесный рай...“
И сталъ товарищъ сразу „лѣвымъ“...

Что-же касается образовательнаго ценза, требуемаго при исполненіи губернаторскихъ функцій, то онъ весь исчерпывается тремя губернаторско-азбучными терминами:

Охрана усиленная, чрезвычайная и — военное положеніе!..

VIII. Какъ сдѣлаться градо-начальникомъ?

Не только люди, но и цѣлые города имѣютъ свою особую судьбу — и на этотъ разъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе счастливой фортуной могутъ похвастать тѣ изъ российскихъ городовъ, которые, не въ примѣръ прочимъ, управляются градо-начальниками.

По древнему русскому обычаю, когда люди призывались изъ-за моря, для „володѣнія Русью“, — нашимъ градоправителямъ вовсе чужда кровь русскихъ людей. Но сіе отношеніе не мѣшаетъ имъ быть сверхъ-патріотами (см. списки „истинно-русскихъ“ людей — съ Карлами-Амаліями и проч. во главѣ).

И дѣятельность ихъ говоритъ сама за себя.

Одни, напримѣръ, на цѣлые дни предоставляютъ весь городъ въ распоряженіе гражданъ, съ

Онъ жизнь идеѣ посвящаетъ
И всѣ рабочіе напѣвы
На память твердо изучилъ.
Потомъ ходилъ онъ гдѣ-то съ флагомъ,
Съ трибуны рѣчь произносилъ, —
И, подвигая шагъ за шагомъ,
Въ тюрьму неожиданно угодилъ!..
Здѣсь сразу кончились „свободы“...
И рай прекрасный, рай земной
Смѣнили горе и невзгоды
И гнетъ неволи вѣковой..

Братецъ.

Казуистъ?

СРОЧНЫЯ ТЕЛЕГРАММЫ

„Сѣкыры“

(Отъ специальныхъ корреспондентовъ).

Митава. Тишь и гладь, но безъ благодати.

Гомель. Городъ охваченъ патріотическимъ «пыломъ».

Одесса. Положеніе хуже губернаторскаго: положеніе — генераль-губернаторское.

Кіевъ. Воспрещена розничная продажа на улицахъ войлочныхъ стелекъ, такъ какъ на нихъ обнаружено «печатное слово».

Кутаисъ. Абсолютная тишина.

Ревель. Внѣшне спокойно.

Москва. По ночамъ тихо.

Лондонъ. Лордъ Китченеръ, «укротитель» бурь, по слухамъ, хлопочетъ о поступленіи на русскую службу.

предложеніемъ брать себѣ все, что угодно, до жизни сосѣда включительно... Другіе устраиваютъ военныя игры на улицахъ, причемъ одной изъ сторонъ является безоружный народъ: — третьи.. но, въ общемъ, они удивительно другъ на друга похожи!

За то имена ихъ увѣковѣчены міромъ, а сами они скоро попадутъ и въ сенатъ, — правда, пока лишь для дачи нѣкоторыхъ показаній объ интенсивности своей прошлой административно-исполнительной дѣятельности... А отсюда они смогутъ попасть ужъ и дальше..

Чтобы сдѣлаться градоначальникомъ, слѣдуетъ твердо усвоить себѣ ту исходную точку дѣятельности, что вся Россія существуетъ и дышетъ для ограниченной кучки людей, величающихъ себя «администраторами», а въ животѣ и смерти обывателей даннаго города, безотвѣтственно и безотчетно, воленъ поставленный во главѣ его — все-сильный градо-начальникъ!..

Завѣдующій курсами

профессоръ Н.

Благовѣщеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Какъ такъ?

Прямой отвѣтъ на всѣ вопросы.
 Что въ Петербургѣ папиросы
 Дессертъ съ Каиромъ бьютъ рекордъ
 10 шт. 6 к. 20 шт. 6 к.
 И это такъ въ finale accordell!
 дядя михей.

Папиросы фирмы „А. Ж. Шапошниковъ“.

Отъ конторы „СЫКИРЫ“.

Номера „СЫКИРЫ“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежомъ лишь по полученіи задаточной суммы, въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный номеръ высылается за двѣ 7-ми копѣечныя марки.

Отъ редакціи. Литературный и художественный матеріалъ, присылаемый въ редакцію, долженъ быть съ обозначеніемъ имени, фамилии и адреса автора, а также и условій гонорара, безъ чего матеріалъ оплачивается по усмотрѣнію редакціи. Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются.

Редакторъ для личныхъ переговоровъ принимаетъ ежедневно отъ 10 до 12 час. дня.

Типографія и переплетная Ю. А. Мансфельдъ, улица Гоголя, 9

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1906 г.

на еженедѣльный, литературно-сатирический,
 обоюдострый и правдивый журналъ

„СЫКИРА“

№ 1 разошелся весь.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ съ № 2.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
 на 12 мѣс. 4 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Объявленія за строку неопарели въ
 1/3 страницы 50 коп.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦИИ:
 С.-Петербургъ, 4-я Рождественская ул., № 14.

Редакторъ-Издатель М. М. Бродовскій.